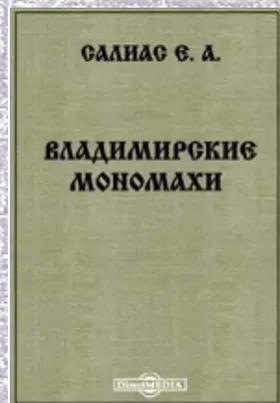

МБУК «Централизованная библиотечная
система городского округа город Выкса»
Городская библиотека «Отчий край»

Автор художественной летописи Баташевского рода

Выкса, 2022

ББК К63

А-22

«Автор художественной летописи Баташевского рода» : (к 180-летию со дня рождения Е. А. Салиас де Турнемира) : справочно-библиографическое пособие / Городская б-ка «Отчий край»; сост. Л. Д. Щенникова; отв. за вып. О. Н. Громова. – Выкса, 2022. - 23 с.: ил.

Настоящее издание подготовлено к 180-летию со дня рождения писателя Е. А. Салиас де Турнемира.

Справочно-библиографическое пособие включает биографические сведения о писателе, о его творчестве, а так же исследовательскую работу о графе Салиасе нижегородского краеведа, кандидата исторических наук Юрия Галая.

Издание предназначено широкому кругу читателей.

**25 апреля - 180 лет со дня рождения
Евгения Андреевича Салиас де Турнемира
(1842-1908)**

Романист, известный под именем графа Салиаса, автор многочисленных романов и повестей из русской истории XVIII и XIX веков, «русский Александр Дюма». Сын писательницы Евгении Тур. Родился в дворянской семье. В 1863 году в журнале «Библиотека для чтения» была напечатана (под псевдонимом Вадим) его первая повесть «Ксаня чудная». За ней последовали «Тьма», «Еврейка», «Манжажа».

В 1869 году Е. А. Салиас де Турнемир возвращается в Россию. Салиас работает адвокатом по уголовным делам в Тульском окружном суде. В это время он пишет биографический труд «Г. Р. Державин, Правитель Тамбовского наместничества», сентиментальную повесть «Пандурочка» и свой первый исторический роман «Пугачёвцы». В 1880—1890-х годах историко-приключенческие повести и романы Евгения Салиаса один за другим появляются на страницах самых популярных журналов России — «Нивы», «Русского вестника», «Исторического вестника», «Огонька», «Русской мысли». Им были написаны произведения «Найдёныш», «Братья Орловы», «Волга», «Граф Татин Балтийский», «Мор на Москве», «Принцесса Володимирская», «Вольнодумцы», «Философ», «Машкерад», «Петербургское действо», «Миллион» (в последующих изданиях «Ширь и мах»), «Атаман Устя», «Кудесник», «Яун-Кундзе», «В старой Москве», «Свадебный бунт», «Мадонна», «Сенатский секретарь», «Джеттатура», «Донские гишпанцы», «Француз», «Граф Калиостро», «Аракчеевский сынок», «Аракчеевский подкидыш», «Via facti», «Бригадирская внучка», «Крутоярская царевна», «Барыни-крестьянки»,

«Фрейлина Марии Лещинской», «Пан Круль», «Заира», «Ведунья», «Новая Сандрильона», «Вчуже. Сказка для детей пожилого возраста», «Сумма трёх слагаемых», «Владимирские мономахи» и др.

Граф Салиас, родственник Шепелевых, знал Выксу, бывал здесь, поэтому использовал выксунский материал в романе «Владимирские мономахи» (1899 г.). Произведение интересно с этнографической точки зрения - верностью описания Выксы второй половины XVIII века, её природы, картинами быта и нравов. В нём также можно найти и местные предания.

Скончался писатель в тихом уголке Москвы — в «Левшине у Покрова» возле Арбата, в своём доме, в котором он почти безвыездно прожил последние 18 лет жизни.

«Автор художественной летописи Баташевского рода»

Ю. Галай
кандидат исторических наук

Роман «Владимирские Мономахи» принадлежит перу автора давно и незаслуженно забытого (даже годы его рождения и смерти указываются по-разному) и совершенно не известного современному читателю, за исключением узкого круга книжников и специалистов. Можно согласиться с мнением, высказанным еще в начале нашего столетия, что писатель «разделил общую участь русских исторических романистов».

Одарённый интерпретатор отечественной истории появился на свет, когда кондовая помещицья Русь ещё утопала в патриархальной тишине своих дворянских гнезд.

С раннего детства он привык видеть в доме своей прославленной родительницы цвет русского общества: Н. И.

Надеждина, И. С. Тургенева, А. Н. Афанасьева, Т. Н. Грановского, В. П. Боткина и многих, многих других.

В отрочестве на прогулках он встречал Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. Он пережил юношеские восторги увлечения божественной Рашелью. Ему пришлось лицезреть приход рационалиста Базарова, начавшего отрицать и раскачивать вековой уклад русской жизни. Живыми, незабываемыми образами прошли перед ним чредой могучие старцы С. Т. Аксаков, А. С. Хомяков, А. Н. Островский, актёр М. С. Щепкин.

В период его писательской деятельности, подобно звездам, зажглись, блеснули на небосклоне отечественной словесности и трагически погасли ровесники романиста Н. Г. Помяловский, В. А. Слепцов и Ф. М. Решетников.

Его крёстными отцами на литературном поприще стали А. И. Герцен и И. П. Огарёв.

И всё это о Евгении Андреевиче Салиас де Турнемире (1840–1908 гг.), сыне блиставшей в 40-50-х годах XIX века писательницы Е. В. Салиас де Турнемир (урождённой Сухово-Кобылиной), более известной под псевдонимом Евгении Тур.

Его отец — обедневший французский граф Салиас, личность коего, по словам друга семьи Е. М. Феоктистова, представляла собой «самое жалкое ничтожество». Вскоре после рождения Евгения кичливого галла за дуэлянтскую выходку выслали на его родину, где он почти забыл о своей семье.

Графиня Салиас осталась с сыном в Москве. Чтобы выйти из стеснённого материального положения, молодая женщина решила заняться литературным трудом, и уже первая ее повесть имела у читателей успех, закреплённый последующими сочинениями.

Евгений, благодаря входившей в известность матери, её друзьям и братьям по перу, получил незаурядное воспитание, а также склонность к литературным занятиям.

Юноша поступает в Московский университет, в котором сходится с революционным студенчеством. После известных московских студенческих беспорядков 1861 года он, в знак протеста против исключения своих товарищей, выходит из университета, за что оказывается под секретным надзором III Отделения.

На следующий год мать вызывает его за границу, знакомит сына в Лондоне с Герценом и Огарёвым, бывая в их домах запросто.

На чужбине Салиас начал пробовать своё перо — написал и опубликовал под псевдонимом Вадим ряд рассказов и повестей («Ксаня чудная», «Тьма», «Еврейка»). Затем появляются «Путевые очерки Испании», которые, по словам одного из биографов писателя, «оригинальностью, яркостью красок и богатством воображения, обратили на автора внимание».

Повесть «Тьма» заметили Огарёв с Герценом. В частности, первый в письме к Евгении Тур писал: «Тут чрезвычайно симпатичный талант, и я с глубокой радостью даю ему своё благословение». Здесь же следовала приписка Герцена: «...я поздравляю обеих матерей, т. е. вас и Россию, с новым талантом».

Вернувшись на родину, Салиас одно время адвокатствовал в Тульском окружном суде, потом был чиновником по особым поручениям при Тамбовском губернаторе, исполнял должность секретаря местного статистического комитета и редактора «Тамбовских губернских ведомостей».

До 1876 года он по отцу оставался французским подданным, после же принятия российского гражданства поступает на службу в Министерство внутренних дел. Затем управляет конторой московских театров и заведует московским отделением архива Министерства императорского двора.

В основном творчество графа Салиаса посвящено старине, повести и романы о которой с завидной регулярностью появляются на журнальных страницах. Один из его современников подметил, что «с течением лет литература сделалась для него ничем, как ремеслом, и он плодил свои произведения целыми томами, занимаясь одновременно писанием трёх или четырёх романов для разных периодических изданий».

Писатель осознавал это, сетуя, что он «зарыл в землю свой талант» из-за того, что «не был так счастливо поставлен, как некоторые наши писатели, имеющие возможность писать «для души».

Для первого своего романа «Пугачёвцы» (опубликован в журнале «Русский Вестник» за 1874 год) Салиас тщательно собирал архивные материалы, одновременно предпринимая поездки по местам пугачёвской вольницы. Говоря о «Пугачёвцах» критика указывала, что граф Салиас добросовестно изучил пугачёвский бунт и что произведение его представляет «несомненную фактическую верность истории», что, к сожалению, не всегда можно сказать о его других подобного рода сочинениях. Это произведение писателя имело большой успех и по существу остается лучшим его историческим романом.

За «Пугачёвцами» последовала серия романов, посвящённых главным образом отечественной истории XVIII столетия. Публиковались они в тогдашних журналах «Русский Вестник», «Огонёк», «Нива», «Исторический вестник», «Кругозор», «Царь-колокол» и др. Писатель и сам выступал в качестве издателя-редактора, выпуская в 1881–1882 гг. ежемесячный литературно-исторический журнал «Полярная звезда».

Наряду с серьёзными критическими высказываниями в адрес творчества писателя (в особенности по поводу его исторических «вольностей»), один из критиков метко заметил:

«граф Салиас в высокой степени полезен, как популярный, доступный изобразитель некоторых исторических элементов русской жизни... Исторический роман, умеющий представлять ту или другую эпоху в её настоящем свете, без современных тенденций, с полнотой и ясностью, может дать об этой эпохе такое отчётливое представление, какое не дает никакая история, не говоря уж о кратких учебниках».

Итогом многолетнего творчества писателя стал выход в 1894–1909 годах тридцатитрёхтомного собрания его сочинений.

Но наступили иные времена и сочинения графа Салиаса, зачисленного критиками в лагерь консервативных писателей, перестали удовлетворять запросы нового поколения. Его произведения всё реже и реже появляются на страницах журналов. Постепенно пришло забвение. С горькой иронией один из литературоведов писал по этому поводу: «Мы русские, с необыкновенной строгостью относимся к родным писателям, нередко предпочитая им посредственные издания европейской литературы». Сказано в начале нашего века, а как своевременно это звучит сейчас!

Последние восемнадцать лет Евгений Андреевич, отгородившись от всего, безвыездно прожил в созданном им иллюзорном мирке тихого московского дома. Современник отмечал, что «в нём было мудрое спокойствие старости, делавшее для него невозможным брюзжание на новые времена и новых людей. Он не осуждал огулом нынешнее, не захваливал взасос «доброе старое время», не жаловался на своё забвение, которого не мог не видеть». Для своего существования он сумел сохранить красивую оболочку, удивительно напоминавшую уголок 40-х годов, перенесённый в двадцатый век. Вёл барственно-размеренную жизнь: вставал в четыре часа пополудни, выставлял голову в форточку и дышал — это считалось его прогулкой, водился только с издателями Сувориным и Шубинским. Ничего не читал,

остановившись на «Анне Карениной», считая, что «вся вообще литература не пошла дальше «Карениной». Всё, что пошло потом — перепевы».

В этой «клетке» своего детства провел остаток жизни Е. А. Салиас де Турнемир.

Одним из лучших исторических произведений писателя является **роман «Владимирские Мономахи»**. Исходя из того, что его в некотором роде можно назвать краеведческим произведением, закономерно было бы кратко представить обросшую легендами историческую канву рода основателей железоделательных и плавильных заводов Приокского горного округа.

В начале XVIII столетия на границе Владимирской и Рязанской губерний, в непроходимых муромских лесах, кишаших известными на всю Россию разбойниками, появились двое братьев — толковых, энергичных и непреклонных в задуманном горных дел мастеров — Иван и Андрей Баташевы. Они были внуками И. Т. Баташева — управляющего горными заводами знаменитого Акифия Демидова. Разбогатец, основатель баташевского рода завел и собственное железоделательное производство, одно из которых с 1716 года возникло около Тулы.

Можно считать, что И. Т. Баташев стоял у истоков выпуска знаменитых тульских самоваров.

Наследник его — Родион Иванович — пошёл по стопам отца, как впрочем и внуки — Иван с Андреем. Вот они-то, прознав о железной руде в муромских лесах и прибыли сюда, чтобы основать новое дело. Сообразительные предприниматели видели не только все выгоды места — непроходимые леса (следовательно, топливо для чугуноплавильных печей), рядом судоходная Ока, но и препятствия: для исполнения их громадных планов необходимо было заполучить в собственность эти дремучие

чащобы с массой гулящих, скрывающихся от помещиков и правительства людей.

Первым их делом стало строительство дома, замышлявшегося наподобие крепости: с башнями, стенами и рвами. Все это защищалось хорошо вооружённым отрядом из проверенных и преданных телохранителей, по местному называвшихся «уланами».

В 1759 году под твёрдой и самовластной рукой дело заспорилось: леса постепенно перешли во владения Баташевых (в общей сложности более 100 000 десятин), задымили многочисленные плавильные печи знаменитого Гусевского завода. Не без помощи правительства Баташевы уничтожили в округе разбои, превратив лесную вольницу в своих послушных и безропотных рабов.

Благодаря недюжинному таланту предпринимателей, к концу XVIII века образуется Приокский горный округ, охватывающий территорию четырех смежных губерний — Владимирскую, Рязанскую, Тамбовскую и Нижегородскую.

Сердцем этого промышленного района стали десять Выксунских заводов (первый из которых основан в 1765 году), сырьём для них служила болотная руда, а доменные печи и иные заводские производства использовали силу приводимых в действие водой механизмов, которые стояли на многочисленных рукотворных и величественных плотинах. По заявлению специалистов, эти пруды были созданы не просто «для изящества ландшафта», а служили аккумуляторами энергии, потому-то в XVIII веке они составляли «необходимый и существенный элемент любого металлургического производства». Заводчикам приходилось нести большие расходы по их сооружению. Так, в 60-х годах прошлого столетия стоимость гидротехнического хозяйства Выксунских заводов оценивалась в громадную сумму — 900 000 рублей, что составляло больше половины общей стоимости заводов.

Выксунская гидротехническая система была в своём роде уникальной. Нигде в России не было подобного — десятикратного использования вод одной и той же реки Железницы, от которой питались энергией и водой семь заводов и две мукомольные мельницы. Всё это в основном было продумано и осуществлено русскими самородками. Выксунская водная система строилась с 1766 по 1803 годы главным механиком завода, бывшим крепостным Марком Терентьевичем Поповым и его сыном Василием Марковичем.

Следует отметить, что Баташевы с вниманием относились к народным умельцам. Так, один из них стал первым на Выксе строителем паровых машин. В начале XIX века там же работала целая семья самородков — Горностаевых. Основатель этой династии Максим Перфильевич с 1800 по 1809 годы состоял главным управляющим заводами, а после его смерти эту должность до 1826 года исполнял его сын Иван. Бывший крепостной постиг тайны инженерного дела, свободно владел тремя иностранными языками. По его проекту и под непосредственным руководством в 1803 году строится проволочная фабрика, которая 120 лет снабжала своей продукцией всю Россию. Из этой талантливой семьи вышел будущий академик архитектуры А. М. Горностаев (1808–1862 гг.).

Баташевы были незаурядными организаторами и талантливыми хозяйственниками. Потому вполне закономерно, что их заводы стали одними из передовых отечественных металлургических производств. Им часто приходилось выполнять ответственные правительственные заказы по отливке корабельных якорей, пушек и ядер.

Особенно благоприятными для роста железоделательных и чугуноплавильных заводов стали две турецкие военные компании, три польских раздела, война со Швецией, а также пугачёвский бунт. В самом начале своей

деятельности, уже к 1770 году они смогли поставить армии 154 пушки. Железницкий завод, построенный в 1775 году, всецело предназначался для «высверливания и точки отлитых на Выксунских заводах во флот пушек и военных орудиев».

Без преувеличения можно сказать, что создаваемый Черноморский флот оснащался преимущественно изделиями баташевских заводов, орудия которых обеспечили победы русской армии и флота в славном XVIII веке.

Свои изделия Баташевы, конечно же, продавали и на знаменитой Макарьевско-Нижегородской ярмарке, поставляя туда, кроме чугуна и железа, проволоку и различные металлические изделия: от прихотливых предметов художественного литья до монументальных надгробий. Дома нижегородского дворянства и административные учреждения города украшали чугунные лестницы с ажурными перилами, а местные храмы - узорчатые половые плиты того же литья.

Дальновидный Андрей Родионович заводил в административных и правительственных сферах нужные знакомства и связи, в особенности с могущественными екатерининскими временщиками, двумя Григориями — Орловым и Потёмкиным. Лично с ними он не был знаком, поддерживая связь перепиской, да убажывая дарами.

На основании стоустой молвы, Н. И. Мельников-Печерский в романе «На горах» писал следующее: «Нарочные то и дело скакали с Поташевских заводов то под Очаков, то в Петербург с редкими плодами заводских теплиц, с кислой капустою, либо с подновскими огурцами в тыквах». Он же рассказал, что как-то ко дню именин генерал-фельдмаршала Потёмкина (25 января) с берегов Оки очередной баташевский посланник доставил плоды с запиской «Сии ананасы тамо родятся, где дров в изобилии, а у меня лесу не занимать; потому и сей дряни довольно». Размякший от возлияния и редкого подарка фаворит на весь стол завопил: «Уважил!.. Спасибо!.. Захотел бы Поташев ремни из спины у меня

выкроить, я бы сейчас...». Обзаведясь такими высокопоставленными заступниками, А. Р. Баташев чувствовал и вёл себя как удельный князёк: в своих губерниях без особых затруднений смещал губернаторов и архиереев, а с прочей чиновной мелюзгой обращался как с лакеями. Мельников-Печерский свидетельствовал: «Слово супротивного молвить никто не смел, все преклонялись пред властным оружейником, и не было на Андрея Родионовича ни суда, ни расправы; не только в Питере, в соседней Москве не знали про его дела... Всё было шито и крыто».

Заявился как-то к заводчику один из ретивых исправников с целью показать свою строгость. Андрей Родионович, не выказав неудовольствия «нахальством» уездного полицейского, любезно согласился показать ему своё производство. Когда они вошли на верх домны, то заводчик легонько подтолкнул исправника и тот «нечаянно» свалился в расплавленную массу.

Один из очевидцев рассказал, как, в бытность его на Гусевском заводе, ломали одну из стен баташевской усадьбы и обнаружили внутри её скелет в истлевшем мундире с медными пуговицами.

Местные легенды повествуют, что верные баташевские «улань» по первому мановению своего господина «хватали указанных жертв, тащили их в усадьбу и тех, смотря по обстоятельствам, или бросали в мрачные подземелья и башни, или предавали пыткам и казням в «страшном саду», где для этой цели имелись различные сооружения — виселицы, колёса, цепи. Всякий попавший в руки «уланов» должен был закончить счёты с жизнью».

В огромном гусевском доме-крепости были глубокие подвалы, которые своим величием производили впечатление даже в конце XIX века. Один из любознательных столичных журналистов, осмотрев разрушающиеся постройки, поражённо сообщал, что проникнув в массивный фундамент, «вы видите,

что под землёю выстроено почти такое же громадное здание, как и то, которое высится над землёю; здесь целый лабиринт ходов, комнат, подвалов, под которыми замечаются ещё ходы, ещё подвалы».

В одних из них, по преданию, размещался целый монетный двор для чеканки фальшивых денег. На основании таких легенд, в 40-х годах прошлого века, какой-то владимирский жандармский полковник уверял министра финансов, что в усадьбе Баташевых замурованы 17 миллионов рублей.

Используя ходы, хозяин, по уверению местных жителей, мог «внезапно появиться из-под земли среди заводских рабочих, навести на них панический суеверный страх и узнать как работы их, так и настроение». Баташев достиг того, что приписные к заводам крестьяне считали его злым непобедимым духом, бороться с которым нет возможности.

Волевые качества Андрея Родионовича отмечал один из публицистов XIX века. Вот как он описывал его живописный портрет: «Строгие черты полного бритого лица с коротко остриженной головою так и выдвигаются с холста; как живые, смотрят эти большие круглые глаза из-под нахмуренного, с глубокою поперечною складкою, большого лба. Такое лицо может только повелевать и достигать во что бы то ни стало своих целей».

Многочисленные комиссии, подкупленные заводчиком, прекращали следствия по всем его «проказам» за отсутствием улик или по причине ненахождения Баташева (он проживал попеременно то во Владимирской, то в Рязанской губерниях, смотря где в данный момент ему было выгодно находиться.)

Кроме резиденции в Гусевском заводе, внушительная усадьба была построена и в Выксе. Она представляла из себя трехэтажный дом-дворец с великолепным регулярным парком,

в аллеях которого стояли статуи, фонтаны, виднелись причудливые беседки, павильоны и ажурные мостики, перекинутые через искусственные речки. Здесь же возвышался «павлиний дом» с царственными заморскими птицами и зверинец с оленями и дикими козами. В оранжереях спели диковинные экзотические плоды.

По утверждению современника, всё же самой диковинной и дорогой затеей Баташева являлся домашний драматический театр, в котором выступали не только крепостные артисты, но и столичные знаменитости.

Выксунский дом сохранился, в некоторых из его комнат сейчас располагается краеведческий музей. Дожило до нашего времени и нештукатуренное из красного кирпича здание в псевдогоthicеском стиле с декоративными башенками и стрельчатыми окнами. Данное строение предназначалось для знаменитых баташевских телохранителей-рунтов, главному из, которых отведена важная роль в сюжетной интриге романа «Владимирские Мономахи».

Сохранился и охотничий домик, построенный для развлечения и охоты выксунских господ, которому также отведена определённая роль в упомянутом романе.

В 1799 году И. Р. Баташев выстроил в Москве великолепный дом. В 1812 году в нём проживал маршал Франции Мюрат, а во время коронации Николая I останавливался посол Великобритании герцог Девонширский.

В 1799 году А. Р. Баташев в полном уме и памяти скончался. Говорят, что когда умирающего спросили, кого он назначает наследником, он кратко ответил — «сильнейшего».

Владелец заводов был женат трижды. От первой супруги у него остался сын Андрей, по прозвищу «чёрный»; от второй — трое мальчиков, Андрей «меньшой», Николай и Иван. Еще при жизни второй жены сластолюбивый заводчик сочетался законным браком с третьей, но детей от неё, кажется, не имел.

Андрей «чёрный» по праву первородства не признавал последующие браки отца и потому сразу же после похорон родителя прогнал из дома обеих мачех и братьев, завладев всем огромным состоянием.

Этот самовольный раздел возбудил судебную волокиту, длившуюся много лет. Впоследствии браки были все же признаны законными. Однако к тому времени Андрея «меньшого» и Николая уже не было в живых. Третий же брат, Иван, насильно был отдан в рекруты под фамилией Гусев.

Когда солдату Ивану Гусеву объявили монаршую волю, что он стал наследником громаднейшего состояния, тот потерял дар речи. Оправившись, крепко закутил и вместе с внезапно объявившимися мириадами друзей начал расточать наследство.

Предполагают, что он познакомился с известным провокатором декабристов Шервудом-Верным, который предложил свои корыстные услуги, взяв у новоиспечённого миллионера займы 50 000 рублей, а затем и расписку ещё на 400 000 рублей. Пройдоха якобы вошёл в соглашение с известным протезе всесильного Аракчеева Клейнмихелем с условием, что последний доложит государю дело о приобретении Шервудом-Верным баташевских владений, за что ходатай получит половину всего.

Однако афере, как гласит предание, случайно помешал великий князь Михаил Павлович. Над Гусевскими заводами устанавливается опека, которая окончательно разорила владения. Благодаря ловким комбинациям местного дворянства — с 1832 по 1850 годы в Баташевском имении в качестве опекунов перебивали все дворяне Меленковского уезда, — благосостояние заводов было сильно подорвано.

Во многом сходная ситуация сложилась и на Выксунских заводах. В 1821 году после кончины И. Р. Баташева (после раздела в 1783 году Выксунские заводы отошли к нему), управляющим производством стал зять

почившего — генерал-лейтенант, участник войны 1812 года Д. Д. Шепелев, который был женат на любимой внучке заводчика Дарьюшке. При нём производство продолжало успешно развиваться, претерпев существенную модернизацию. Он также, как и основатели заводов, отмечал талантливых мастеров. Одним из таковых — Коптева — новый владелец отправил в Англию для усовершенствования в механике. Там его способности также были оценены и в честь мастера чопорные англичане даже давали обеды, которыми Коптев гордился и в старости.

Заводы продолжали славиться не только своей военной продукцией, но и изящным художественным литьём, по которому специализировался Сноведский завод. Именно здесь отливались скульптуры для Триумфальных арок Москвы и Петербурга в честь героев 1812 г. Этот дар высокого мастерства выксунских металлургов не был потерян и впоследствии. К примеру, в конце XIX века дом заводчиков украсил камин, который на Парижской выставке был оценен в 2,5 млн. рублей.

Вместе с тем, писательница Евгения Тур в своих воспоминаниях дала уничижительную характеристику Д. Д. Шепелева, дом которого, по её мнению, представлял собою собрание «курьёзов, чудаков, сумасшедших и пьяных».

Необузданный театроман, он в 30-е годы вместо старого баташевского театра строит новое роскошное каменное здание оперного с залом на 300 человек. Не без доли преувеличения, один из очевидцев свидетельствовал, что «в наших провинциях ещё не было оперных театров — кроме Одессы и Риги — и театр Шепелева по праву занимал единственное место во всей внутренней России». Для обучения крепостных артистов в Выксу приглашались артистические знаменитости, как, например, «звезда Санкт-Петербургского театра» балерина Сунгурова.

Через двадцать лет после вступления в управляющие Шепелев скончался, передав бразды правления в руки непутёвого сына, который имел особенное пристрастие к крепостному театру (его прозвали «Нероном Ардатовского уезда») в ущерб заводскому производству. Этот семейный порок передался и другим шепелевским отпрыскам. Кроме оперных представлений, в Выксе устраивались пышные балы и маскарады, ежедневно закатывались лукуловы пиры с сонмом друзей и знакомых.

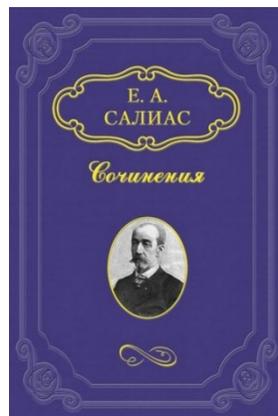
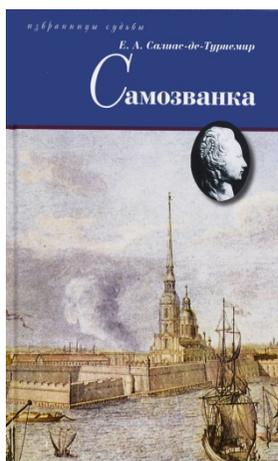
Баташевское достояние разбазаривалось на разнообразные прихоти. К концу управления И. Д. Шепелева долги возросли до непомерных размеров, составив 2,4 млн. рублей.

Родственники мота постарались объявить его сумасшедшим, официально устранив от управления. В 1846 году правительство учреждает опеку одного из родственников Шепелевых (по женской линии) артиллерийского полковника В. А. Сухова-Кобылина. Внук последнего Е. А. Салиас де Турнемир и описал представляемую ныне читателю мастерски закрученную с любовно-криминальным сюжетом беллетризованную историю рода Баташевых-Шепелевых.

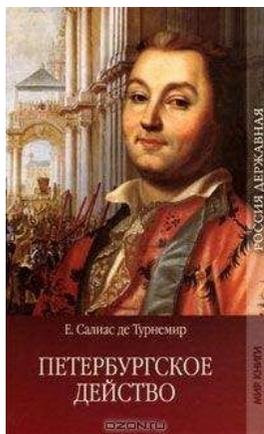
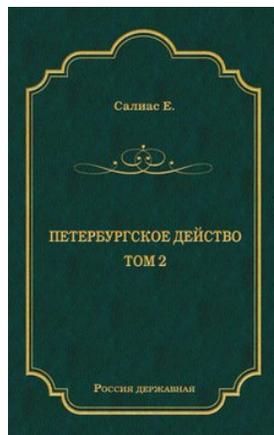
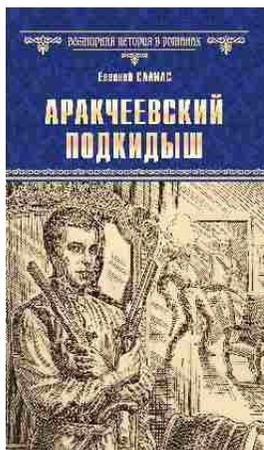
Не всё в романе представлено исторически верным. Главным образом это касается героини повествования — Сусанны Юрьевны. По всей видимости, она не была родственницей Баташевых, а скорее всего являлась одной из примадонн выксунского театра и пользовалась особым покровительством Баташевых. В памяти местных жителей долго сохранялся образ крепостной артистки «чудной красоты», которую хозяин всячески оберегал и содержал под присмотром двух девушек. Не исключено, что под прихотливым пером писателя одна из таких артисток и превратилась в очаровательно-коварную хозяйку баташевского дома.

Безусловно, на образ героини романа повлияло живописное изображение красивой женщины, известное под названием «Сусанна», которое находилось в баташевской коллекции, а сейчас хранится в Выксунском музее. Этот портрет, по мнению специалистов, предположительно принадлежит кисти старинного итальянского художника. Любопытно, что в 20-х годах нашего столетия услужливое выксунское руководство отправило портрет в Москву, подарив его Государственному объединению машиностроительных заводов. Изображение бывшей возлюбленной основателя заводов показалось кому-то весьма подходящим для украшения одного из управленческих кабинетов. Потребовались усилия нижегородских музейщиков, чтобы вернуть полотно назад в Выксу.

**Вы можете прочитать произведения
Е. А. Салиас де Турнемира:**

Рекомендуем прочитать другие его произведения:

Библиография

1. Балдина В. В. Е. А. Салиас и его роман «Владимирские мономахи» // Выксун. рабочий. – 1991. - №9. – С. 2.
2. Балдина В. В. Новая встреча с графом Салиасом // Выксун. рабочий. - 1991. – 14 декабря. - С. 2.
3. Галай Ю. Автор художественной летописи баташэвского рода // Е. А. Салиас. Владимирские Мономахи : сочинение графа Салиаса. – Нижний Новгород : Нижегородская ярмарка, 1995. - С. 5-17.
4. Евгений Андреевич Салиас: художественный летописец баташевского рода // Навеки с именем твоим : сборник очерков / авт. ст.: Е. И. Липатова [и др.]; лит. ред. Е. А. Баикина. – Выкса : ИКСА, 2019. – С. 244-246.
5. Салиас Е. А. Владимирские мономахи. Роман в 4-х частях : 12+ / Евгений Андреевич Салиас; [худож. Инга Романенко]. – Текст адаптирован по изданию 1904 г. – Выкса : Print House, 2015. – 376 с.: ил.

Содержание

Краткая биография писателя.....	С. 3
Ю. Галай. Автор художественной летописи баташевского рода.....	С. 4
Библиография.....	С. 21

Составитель,
компьютерный набор и вёрстка
Л. Д. Щенникова

Отв. за выпуск О. Н. Громова

МБУК «ЦБС городского округа город Выкса»
Городская библиотека «Отчий край»
607065, Нижегородская обл.,
г. Выкса, м-он Гоголя, д.50,
тел.: 8(83177) 3-50-69, 3-26-25
е-mail: otchukray@mail.ru
сайт библиотеки: bibliokray.ru